

ПОДГОТОВКА РАПАЛЛЬСКОГО ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Установление границ вернувшейся независимости Польши привело к серии конфликтов с ее соседями. Наиболее крупным из них была советско-польская война 1920 года. Она не только наложила отпечаток на более поздние польско-советские отношения, но и оказала очень сильное влияние на всю внешнюю политику Варшавы в межвоенный период. 18 марта 1921 г. в Риге был заключен мирный договор между Польшей, с одной стороны, и Советской Россией и Советской Украиной, с другой. Этот договор, юридически оформив окончание советско-польской войны, не решил многих противоречий между названными государствами.

Если Рижский мир определил восточные границы Польши, то ее западные границы были установлены Версальским договором. В силу этого она оказалась одним из государств, наиболее заинтересованных в сохранении и укреплении Версальской системы. Польский министр иностранных дел К. Сирмунт подчеркивал в августе 1921 г. в инструкции польским представительствам за границей: «Основа внешней политики – два момента: уважение договоров, которые завершили мировую войну, и образование системы союзов с государствами, с которыми связывают Польшу общие интересы, прежде всего с Францией» [1; с. 126].

Между тем, два крупнейших соседа Польши, Германия и Советская Россия, стремились к ликвидации установленного Версалем порядка. Такое положение вещей объективно подталкивало оба эти государства к сближению и, в то же время, давало Польше основания видеть в них своих главных противников на международной арене. Как писал С. Грабский, Москва и Берлин разными дорогами, скоординированными, однако, общим планом деятельности, стремятся подорвать и уничтожить мир, установленный на развалинах германского мирового господства [2; с. 163]. Выше перечисленные обстоятельства неизбежно вели к тому, что отношения Польши с Германией и Советской Россией, а также взаимоотношения двух последних между собой, становились ключевой проблемой польской внешней политики межвоенного периода. В данной статье мы попытаемся проследить ход острой дипломатической борьбы между Польшей, Германией и Советской Россией накануне Генуэзской конференции, результатом которой стало подписание Рапалльского договора.

Еще до заключения Рапалльского договора польская дипломатия внимательно следила за развитием советско-германских отношений. Уже с начала 1921 г. стало очевидным значительное их улучшение. В феврале в Москве начались советско-германские экономические переговоры, завершившиеся подписанием 6 мая временного торгового соглашения. В Варшаве считали, что интересы Польши требуют противодействовать такому ходу событий. Одним из приемов, с помощью которого поляки пытались решить эту задачу, являлось улучшение отношений с одним из этих государств. Как правило, польские правящие круги, занимая жесткую позицию по отношению к одному из них, пытались улучшить отношения с другим.

Сложность нормализации польско-германских отношений в тот момент отчетливо признается в Меморандуме начальника польского генерального штаба В. Сикорского от 19 января 1922 г. Он отмечает крайнюю заинтересованность Польши в сохранении послевоенного положения вещей. Следует согласиться с точкой зрения Г.Г. Лазько, что с 1922 г. польское правительство и генеральный штаб отказываются от наступательной политики и видят задачу Польши в сохранении статус-кво [3; с. 26].

В последние недели 1921 г. польские правящие круги предпринимают шаги, направленные на улучшение отношений с Россией.

Это признавало и советское руководство. 1 января 1922 г. была опубликована декларация IX Всероссийского съезда Советов «О международном положении РСФСР». В ней отмечалось усиление мирных тенденций в польских правительственных и деловых кругах [4; с. 120]. 5 декабря Варшава обратилась к Москве с предложением начать переговоры о заключении торгового договора [5; с. 131]. Однако решение этого вопроса сильно затянулось. Лишь 23 февраля 1922 г. советское правительство сообщило состав делегации для ведения переговоров. Польское Министерство иностранных дел 25 февраля в ноте в полпредство РСФСР в Варшаве назвало состав польской делегации на торговые переговоры и выразило готовность начать их [5; с. 141]. Фактически переговоры начались 10 марта.

Как представляется, тактику Москвы на затягивание переговоров с Польшей можно во многом объяснить и тем, что с конца 1921 г. происходили активные советско-германские контакты, имевшие целью выработку широкомасштабного соглашения. В Москве опасались, что начало торговых переговоров с Польшей может помешать заключению договора с Германией. Лишь после того, как советско-германские переговоры 17 февраля были прерваны, советское правительство ответило согласием на польское предложение о начале переговоров. Они оказались безрезультатными. Уже 4 апреля советское правительство в Варшаве сообщило в Москву, что переговоры «сели на мель» из-за вопроса о наибольшем благоприятствовании [6; л. 38]. Вопрос наибольшего благоприятствования был одним из центральных и в ходе советско-германских переговоров. Режим наибольшего благоприятствования предполагалось зафиксировать в проектируемом соглашении с Германией, и советское руководство не могло пойти на предоставление такого же режима и Польше, подчеркивая тем самым исключительность своих отношений с Германией.

Отмечая зависимость советской позиции относительно переговоров с Польшей от хода советско-германских переговоров, следует отметить, что со своей стороны польское правительство внимательно следило за советско-германскими контактами. 22 января 1922 г. польское посольство в Берлине сообщало в Варшаву, что в германской столице состоялись переговоры между представителями России и Германии, в ходе которых советская сторона предложила реорганизовать германское временное представительство в Москве в посольство. Взамен было объявлено о готовности дать Германии компенсацию за убийство Мирбаха [7; л. 1].

Принятое Антантой решение о созыве конференции в Генуе с участием Германии и Советской России вызвало определенное беспокойство в польских политических кругах. Не исключалось, что на конференции может возникнуть дискуссия по послевоенным договорам, а Россия поднимет вопрос о польско-советской границе, которая в то время еще не была признана международным сообществом [8; с. 197]. В донесении польского посольства в Германию в Варшаву сообщалось о намерении советской делегации в Генуе выступить, причем совместно с Германией, за принадлежность Вильно Литве. Согласованная позиция России и Германии по этому вопросу связывалась с их общей заинтересованностью в транзите через территорию Литвы [7; л. 13]. В этих условиях польское правительство, возглавляемое А. Паниковским, считало, что путь к сохранению независимости и территориальной целостности государства лежит через упрочение союза с Францией. Было принято решение об ускорении подготовки экономического соглашения с ней, после чего должен был вступить в силу и союзный договор между двумя странами.

Польша стремилась также к установлению союзных отношений

Мезга Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины.

Беларусь, ГГУ им. Ф. Скорины, 246699, г. Гомель, ул. Советская, 104.

со странами Малой Антанты и Балтии. Союз с этими государствами также должен был, по мнению правящих кругов Польши, укрепить ее международные позиции перед лицом германской и советской угрозы. Но добиться поставленных целей польской дипломатии оказалось непросто. В феврале в Бухаресте состоялась конференция стран Малой Антанты и Польши. Малая Антанта, прежде всего Чехословакия, не пошла на союз с Варшавой, опасаясь быть втянутой в конфликт с Россией [9; с. 209]. Исключение составляла лишь Румыния, с которой еще в марте 1921 г. был заключен военный союз, призванный обеспечить нерушимость польско-советской и румыно-советской границ. В договоре прямо указывалось на то, что он направлен против Советской России. Совместные действия Польши и Румынии предполагались только в том случае, если одна из них будет атакована агрессором на восточной границе [1; с. 148–149]. Как видим, в момент заключения польско-румынского союза речь еще не шла о совместных действиях союзников против объединившихся России и Германии. Позже, после заключения Рапалльского договора, ситуация изменится.

Что касается стран Балтии, то идея польско-балтийского союза выдвигалась польской дипломатией еще на Рижской конференции представителей Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии, проходившей летом 1920 г. Причем, что характерно, уже тогда польско-балтийский союз планировался Варшавой как направленный одновременно и против Советской России, и против Германии [10; с. 73]. Однако инициатива польского правительства была сдержанно встречена прибалтийскими государствами. Лишь на Варшавской конференции в марте 1922 г. Польше удалось добиться определенного успеха в осуществлении своих планов. 17 марта Польша, Финляндия, Эстония и Латвия подписали сроком на пять лет соглашение, участники которого обязались взаимно признать мирные договоры с Советской Россией и тесно сотрудничать при проведении внешней политики. Ст. 7 содержала завуалированное обязательство взаимопомощи участников соглашения в случае агрессии против одного из них. Участники соглашения должны были в этом случае соблюдать по отношению друг к другу благожелательный нейтралитет и выработать совместные меры, которые необходимо предпринять [11; с. 148]. По мнению ряда исследователей, ст. 7 была направлена не только против Советской России, но и против Германии [12; с. 99].

Интересно, что советское руководство также было заинтересовано в согласовании позиций с прибалтийскими государствами накануне Генуи. Как следует из телеграммы Я. Ганецкого полпреду в Варшаве Л. Оболенскому от 3 марта 1922 г., НКВД пытался инициировать созыв балтийской конференции в Москве [13; л. 30]. Однако представители балтийских государств собрались в Варшаве и без участия РСФСР. 15 марта в Москве было получено приглашение на конференцию, но советский представитель на нее не прибыл [12, с. 99]. Видимо, польское правительство, посылая приглашение Советской России принять участие в конференции в Варшаве фактически уже в момент ее открытия, и рассчитывало на то, что она не пришлет своего представителя.

Варшавское соглашение вызвало беспокойство не только в Москве, но и в Берлине. МИД Германии еще в преддверии Варшавской конференции отмечал, что стремление Франции создать польско-балтийский блок представляет угрозу не только России, но и Германии [8; с. 199]. Именно под давлением Германии Финляндия отказалась ратифицировать Варшавское соглашение, в результате чего оно юридически так и не вступило в силу. Советская дипломатия, со своей стороны, стремилась поставить отношения Польши с прибалтийскими государствами под свой контроль и ослабить антисоветскую направленность Варшавского соглашения от 17 марта. Поэтому Россия предложила участникам конференции встретиться 22 марта в Москве. Фактически такая встреча состоялась 29–30 марта в Риге.

Согласие польского правительства на встречу в Риге свидетельствует о том, что, в целом, двигаясь в фарватере французской внешней политики, оно, в преддверии Генуи, готово было пойти на определенное улучшение отношений с РСФСР. К. Скирмунт на встрече с журналистами 31 марта заявил, что Варшавское соглашение не носит

антисоветский характер и Польша сделает все возможное, чтобы сохранить добрососедские отношения с Советской Россией [14].

На позицию польского правительства влияла и информация о проходивших в начале 1922 г. советско-германских переговорах. В январе – феврале в Берлине находился основной советский специалист по Германии К. Радек. В ходе бесед с представителями германского правительства он предложил восстановить дипломатические отношения между двумя странами еще до начала Генуэзской конференции и занять на ней согласованную позицию. По мнению польских историков, в ходе состоявшихся бесед с Сектом К. Радек предложил осуществить весной 1922 г. «совместную акцию против Польши». Но командующий рейхсвером эту идею не поддержал [15; с. 5]. Постепенно набирали силу и экономические контакты между двумя странами. В конце декабря 1921 г. в Россию прибыла группа германских промышленников с целью изучения возможностей экономического сотрудничества между двумя государствами, а в апреле Москву посетил член высшего экономического совета Германии О. Гуго. В сложившейся ситуации поляки опасались, что немцы опередят их в деле проникновения на советский рынок.

Некоторому улучшению советско-польских отношений накануне Генуи способствовала и определенная общность политических интересов двух стран. Признание ведущими государствами Запада Советской России должно было привести и к признанию ими Рижского договора, а, следовательно, и установленной им польско-советской границы. В начале апреля К. Скирмунт прибыл с визитом в Париж. Главная цель переговоров для польской стороны заключалась в том, чтобы добиться от Франции признания польской границы, установленной Рижским договором [16]. Поэтому в заявлении для печати 5 апреля К. Скирмунт и отметил, что Польша не будет препятствовать юридическому признанию РСФСР, так как это будет способствовать признанию восточной польской границы [17]. Последовали и практические шаги польского правительства, направленные на улучшение отношений с Россией. Незадолго до начала Генуэзской конференции польское представительство в Москве получило инструкцию МИД, в которой говорилось о желательности согласовать с Россией позиции по проблемам, которые будут обсуждаться в Генуе. Эта инициатива нашла положительный отклик в Москве. Было решено привлечь к обсуждению и прибалтийские государства [18; с. 142]. В результате и была созвана конференция в Риге с участием представителей РСФСР, Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии.

Советское правительство стремилось использовать заинтересованность Польши в сотрудничестве с Россией в Генуе, чтобы ослабить влияние на нее Франции. Об этом прямо говорилось в докладе советской делегации по итогам Генуэзской конференции, где факт подписания Рижского протокола от 30 марта назван «началом освобождения Малой Европы из-под влияния Франции» [19; с. 5]. Кроме того, демонстрируя сближение с Польшей, можно было оказать на Германию, которая до начала Генуэзской конференции не хотела идти на подписание договора с РСФСР.

Вопросы, связанные с предстоящей конференцией в Генуе, как раз и оказались в центре внимания участников совещания в Риге. Польша соглашалась поддержать в Генуе советские усилия, направленные на уравнивание положения Советской России с другими государствами. Взамен поляки хотели, чтобы Москва не поддерживала Литву в ее конфликте с Польшей и активнее выполняла ряд условий Рижского договора [20; с. 159]. Подписанный по итогам совещания протокол предусматривал сотрудничество участников в деле экономического восстановления Европы, в решении проблем разоружения. Была достигнута также договоренность о согласованных действиях в Генуе. В протоколе говорилось и о желательности юридического признания РСФСР ведущими государствами Запада [21; с. 146–148]. Отметим, что факт наличия в Рижском протоколе обязательства содействовать юридическому признанию Советской России странами Запада признает и ряд польских исследователей [22; с. 81]. Подписание этого протокола несколько ослабило антисоветскую направленность Варшавского соглашения от 17 марта. Следует согласиться с мнением, что участники Рижской конференции, подписав ее протокол, высказались за координацию своих действий

в Генуе [23; с. 56]. Однако польское правительство уже практически на следующий день под давлением Франции дезавуировало подпись своего представителя под Рижским протоколом. Это было сделано Паниковским в выступлении в сеймовой комиссии по иностранным делам 6 апреля, когда он заявил, что польский представитель на совещании не имел полномочий что-либо подписывать [24; с. 47].

За совещанием в Риге с беспокойством следили в Берлине. Результаты Рижской конференции обсуждались членом коллегии НКВД РСФСР Караханом с германским представителем в Москве 10 апреля 1922 г. Германский дипломат отметил, что Карахан сдержанно характеризовал результаты Рижской конференции, и российский правительство далеко от мысли, что ему удалось прорвать фронт, «созданный в Варшаве и направленный против него» [25; с. 474]. Советская Россия и Германия фактически согласовывали свою политику в отношении планов Польши в Прибалтике и стремились совместными усилиями не допустить укрепления ее позиций в этом регионе.

Накануне Генуи польское правительство проводило зондаж позиции Германии. 17 февраля 1922 г. состоялась встреча посла Польши в Берлине с министром иностранных дел Германии В. Ратенау. Как информировал посол польское министерство иностранных дел, у него сложилось впечатление, что позиция Германии в Генуе будет строиться на признании существующего положения вещей и стремлении добиться доброжелательности Европы. Германский министр иностранных дел доброжелательно выслушал слова посла о необходимости налаживания тесного взаимодействия между двумя странами в экономической сфере и высказался за благосклонное обсуждение этой проблемы в дальнейшем. Посол обращает внимание еще на два важных обстоятельства, характеризующих политику Германии в отношении Польши в тот момент. 16 февраля на обеде у секретаря германского МИД Ханеля первые места за столом заняли посол Польши с женой и посол Франции с женой. Это, по мнению посла, являлось еще одним признаком изменения политики Германии в сторону улучшения отношений с Польшей [26; т. 4–5]. Определенная демонстрация германской стороной готовности к улучшению отношений с Польшей в середине февраля должна рассматриваться в контексте развития германо-советских отношений. Именно в этот момент зашли в тупик переговоры между Москвой и Берлином. 17 февраля они были прерваны. В такой ситуации для Германии было логично обозначать сближение с Польшей, прежде всего как средство давления на Советскую Россию, демонстрируя, что у германской внешней политики есть альтернатива сотрудничеству с РСФСР.

Однако тенденция к улучшению германо-польских отношений в тех условиях не могла быть устойчивой. Уже в конце марта можно говорить о нарастании напряженности в них. В данном случае поводом стала ситуация вокруг Восточной Пруссии. Польское консульство в Кенигсберге отмечало усиление антипольской компании в этой провинции, в основе которой были слухи о намерении Польши захватить Восточную Пруссию. Местный ландтаг принял резолюцию, в которой говорилось, что Восточная Пруссия не желает, чтобы ее постигла судьба Вильно [26; т. 26]. В связи с этим польский МИД обязал посла в Берлине заявить протест Ратенау и указать, что антипольская компания в Восточной Пруссии ничем не обоснована [26; т. 29]. Здесь мы видим пример балансирования польской политики между двумя великими соседями. Именно в конце марта обозначилось некоторое улучшение отношений между Польшей и Советской Россией в связи с предстоящей Генуэзской конференцией, отражением чего явилось совещание в Риге и подписание Рижского протокола 30 марта. В условиях потепления отношений с восточным соседом Польша посчитала возможным продемонстрировать жесткую позицию в отношении Германии.

Несмотря на некоторое потепление в советско-польских отношениях, вряд ли можно говорить о том, что в Москве рассчитывали на их устойчивое улучшение. Об этом свидетельствуют дальнейшие шаги советской дипломатии. 2 апреля по пути из Риги в Геную в Берлин прибыла советская делегация во главе с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным. Советские правящие круги рассчитывали, что, после Рижского совещания, немцы станут более сговорчивыми. Однако прием советской делегации был оказан довольно

прохладный. Немецкое правительство демонстрировало свое недовольство советскими шагами, направленными на сближение с Польшей, а также не желало перед Генуей раздражать Запад налаживанием отношений с большевиками. Правда, на второй день пребывания в Берлине Г. Чичерин все же был принят канцлером Й. Виртом и В. Ратенау. В ходе бесед советско-германский политический договор был согласован во всех пунктах, за исключением вопроса о претензиях германских частных лиц, пострадавших от национализации. Правящие круги Германии все же рассчитывали на уступки со стороны Антанты в Генуе и не решились заключить договор с Россией до конференции [27; с. 255].

Накануне Генуи польская дипломатия внимательно следила за развитием советско-германских отношений. 3 марта посольство в Берлине информировало МИД Польши о высказанных Л. Троцким еще в январе 1922 г. планах заключения военного союза с Германией. Троцкий считал это достижимым, так как еще с мая 1921 г. в Красной Армии активно работали в качестве инструкторов немецкие офицеры. Подготовку военного союза с Германией, по мнению польского посольства в Москве, и была основной целью упоминавшегося выше визита К. Радека в Берлин. Он должен был также добиться поставок военных материалов из Германии в Россию [7; т. 5–6]. Не остались без внимания польского посольства в Берлине и советско-германские переговоры в германской столице 2 – 4 апреля 1922 г. Посольство сделало вывод, что эти переговоры «не дали конкретного результата». Отмечалось отсутствие в правящих кругах Германии единства относительно соглашения с РСФСР [7; т. 12 – 14]. Эта информация достаточно достоверна. Ее подтверждают и германские дипломаты того времени. Г. Дирксен отмечал в своих мемуарах, что решение Германии заключить договор с Россией было, прежде всего, результатом энергичной деятельности Мальцана. Ему удалось склонить на свою сторону канцлера Вирта. В то же время Ратенау являлся западником и противником договора с большевиками [28; с. 47].

Открытие Генуэзской конференции состоялось 10 апреля, а уже 16 апреля Россия и Германия подписали Рапалльский договор. Он существенно осложнил внешнеполитическое положение Польши. Однако необходимо признать, что она сама рядом внешнеполитических шагов способствовала советско-германскому сближению.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918. – 1938. – Т. 1. 1918 – 1932. – Warszawa: Inst. Wyd. Pax., 1989. – 540 s.
2. Grabski St. Godziennych walk i rozważań. – Poznań: Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepieskiego, 1923. – 168 s.
3. Лазько, Р.Р. Ягеллонская идея ў Польскай рэспубліцы пасля Рыжскага міру / Р.Р. Лазько // БГЧ. – 1995. – № 5.
4. Советский Союз в борьбе за мир. Собрание документов и вступительная статья. – М.-Л.: Госиздат, 1929.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. [Текст]. – М.: Наука, 1966. – Т. 4. – 559 с.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 211а. – Д. 133.
7. Archiw Aktow Nowych (далее AAN). MSZ. Sygn. 6629.
8. Mikulicz, S. Polityczne manewry polskiej dyplomacji przed konferencja w Genui. 1922 / S. Mikulicz // Studia z najnowszych dziejow powszechnych. – 1963. – Т. 3.
9. Рубинштейн, Н. Внешняя политика советского государства в 1921–1925 годах / Н. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1953. – 92 с.
10. Сиполс, В.Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в планах империалистических держав / В.Я. Сиполс. – Рига: Лиесма, 1968. – 347 с.
11. Материалы Генуэзской конференции. – М.: Изд. НКВД, 1922. – 372 с.
12. Ольшанский, П.Н. Рижский договор и развитие польско-советских отношений, 1921–1924. – М.: Наука, 1974. – 258 с.
13. АВП РФ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 3.
14. Известия. – 4 апреля 1922. – № 76.

15. Grosfeld, L. Polska a stosunki niemiecko-sowieckie, 1918–1939. – Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. – 43 s.
16. Известия. – 5 апреля 1922. – № 77.
17. Известия. – 9 апреля 1922. – № 80.
18. Kumaniecki, J. Polski aspekt stosunkow radziecko-niemieckich w 1922 r. / J. Kumaniecki // Przegląd historyczny. – 1990. – Т. LXXXI, zeszyt 1–2.
19. Иоффе, А.А. От Гenuи до Гааги. Сборник статей / А.А. Иоффе. – М.: Госиздат, 1923. – 43 с.
20. Mikulicz, S. Od Genui do Rapallo / S. Mikulicz. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. – 248 s.
21. Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 5. – 807 с.
22. Kaminski, M. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918–1939. – Warszawa: Młodzieżowe Agencja Wydawnicza, 1987. – 120 s.
23. Любимов, Н.Н. Генуэзская конференция (воспоминания участников) / Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. – М.: Изд. ИМО, 1963.
24. Почс, К.Я. «Санитарный коридор»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма. (1921–1929 годы) / К.Я. Почс – Рига: Изд. «Зинатне», 1985. – 176 с.
25. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло: сборник документов; в 2 т. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
26. AAN. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 784.
27. Kumaniecki, J. Wobec układu w Rapallo / J. Kumaniecki // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. – 1966. – Т. 2.
28. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 446 с.

Материал поступил в редакцию 29.10.10

MEZGA N.N. Preparation Rapallskogo of the contract in a context Poland-Soviet-German of the attitudes

The course of the diplomatic struggle in Central-Eastern Europe at the end of 1921 – the beginning of 1922 is studied in the paper. The author showed that Soviet Russia wanted to create the most favorable conditions for the international isolation break before the Genoa conference. For this purpose it made diplomatic contacts with Germany and Poland more active. However the relations with Germany were more important for Moscow and the course of the negotiations with Poland depended on them. The tendency to the soviet-polish relations improvement in the spring of 1922 had no further development, though some objective preconditions existed. The result was the Rapallo agreement signing. It created a new international situation in the region. The Polish diplomacy anti-soviet political steps also contributed to such course of events.

УДК 947.084.8(476)(1-074)

Ипатова О.В.

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НА БРЕСТЧИНЕ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И МЕДИЦИНЫ

Введение. Краеведческий характер исследования по заявленной теме – оккупационный режим на Брестчине – определяет актуальность выбранной темы для жителей Брестчины, что не исключает значимость поднимаемых нами вопросов и в общенациональном масштабе в связи с празднованием 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Великая Отечественная война является своего рода контрапунктом прошлого в исторической памяти белорусов, детерминантом создания военно-патриотических традиций нашего народа. Важность исторических традиций объясняется тем, что, зарождавшаяся в ходе развития общества, сами же это общество и формируют, способствуют становлению и единению нации, что актуально для молодого белорусского государства, ищущего и утверждающего своё национально «Я» не только в историческом прошлом, но и в настоящем для будущего белорусской нации.

Объектом изучения стали материалы фондов Государственного архива Брестской области, монографическая литература, содержащая различные подходы к освещению событий выбранного периода, а также воспоминания жителей Брестчины о тех годах. Это позволило включить в научный оборот новые сведения, документы, которые ранее не были опубликованы.

Предметом изучения в данной работе являются условия политической, социально-экономической и культурной жизни Брестчины в один из тяжелейших периодов её истории – во время немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. Изучены, в частности, такие вопросы, как экономика региона, состояние образования, культуры и медицинского обслуживания населения во время оккупационного режима.

Цель работы – найти новые и обобщить собранные сведения о жизни жителей Брестчины во время оккупации в 1941–1944 гг.: о состоянии экономики региона, об экономической политике оккупантов, о медицинском обслуживании населения, о политике оккупантов в области идеологии, культуры и образования, проводимой на Брестчине;

провести сравнительный анализ источников и выявить разногласия в использованной нами литературе и архивных материалах.

Большинство из имеющихся на сегодня сведений из научной, научно-популярной и учебной литературы, немногочисленных публикаций периодической печати и энциклопедических изданиях, посвящённых оккупационному режиму именно на территории Брестчины носят отрывочный, спорадичный и скудный характер. Многие опубликованные данные об оккупационном режиме и его последствиях – не согласованы. Автор данного исследования пытается обобщить и углубить знания об оккупационном режиме на территориях, относящихся на сегодняшний день к территории Брестской области.

Развитие политической, экономической, социально-культурной жизни Брестчины происходило в условиях жёсткого тотального контроля оккупационных властей в целях искоренения советско-большевистской «заразы» и насаждения национал-социалистической идеологии фашистов.

Приоритеты национальной политики немецко-фашистских оккупантов были конкретно определены: доминирование настоящих арийцев, онемечивание и эксплуатация некоторой части славянских народов, геноцид в отношении к «лишним» славянам.

Политика оккупантов в области экономики. Экономические и природные ресурсы захваченных регионов были объявлены собственностью Германии. Уже в январе 1942 г. была принята директива об обязательном восстановлении хозяйства. В первую очередь на Брестчине налаживалась деятельность энергетических предприятий, добыча торфа, заготовка древесины, ремонт дорог.

О сущности экономической политики в Восточной Европе можно судить по требованиям рейхсмаршала Г. Геринга к рейхскомиссарам в августе 1942 г.: «Вы направлены туда для того, чтобы работать на благосостояние нашего народа, а для этого необходимо забирать все возможное. При этом мне абсолютно все равно, если вы мне

Ипатова О.В., старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.